

только ему, и наказал оным, чтобы никого из прежних они к ней не подпускали. Юстиниану же он только попенял и впоследствии проникся к нему такой любовью, что пообещал свою дочь в жены его сыну и, наоборот, своему сыну просил в жены его дочь. Но этому — не ведаю, по какой причине, — не суждено было сбыться. Войско, отправленное им, наголову разбило персов; возвратившись победителем, он привез такую добычу заодно с двадцатью слонами, что, казалось, она способна утолить жадность человеческой природы. В это время Хильперик, король франков, направил к нему своих послов, получил от него множество украшений и золотые монеты, каждая из которых была весом в фунт. На одной стороне было изображение императора и надпись по окружности: «ТИБЕРИЙ КОНСТАНТИН, ПОЖИЗНЕННЫЙ АВГУСТ», — на другой квадрига с возничим и надпись: «СЛАВА РИМЛЯН». «...» Тиберий Константин на седьмом году правления, почувствовав приближение смерти, с согласия Августы Софии избрал императором Маврикия, по происхождению каппадокийца, мужа сильного, и, передав своей дочери царские регалии, отдал ему в жены со словами: «Так вместе с моей дочерью тебе достается моя власть. Пользуйся ею, счастливец, но всегда помни, что ты должен оставаться беспристрастным и справедливым». Сказав так, он расстался с этим миром и обрел вечный свет, а его смерть горько оплакивали в народе. Ибо был он наделен всеми благодатями, щедр в раздаче милостыни, справедлив в принятии решений, осторожен в вынесении приговоров, никого не презирал, но ко всем проявлял доброту. Он любил всех, поэтому и был любим всеми. После его кончины Маврикий, облаченный в пурпур и увенчанный диадемой, отправился в цирк и под хвалебные возгласы, раздав народу щедрые подарки, первым из греков стал императором.

Павел Дьякон. «История лангобардов». III, 11 — 15

Упоминания о персах отнюдь не часто встречаются в исторических сочинениях VI — VIII веков. Сюжет о персидской царице несомненно имеет общие корни с рассказом о персидской женщине по имени Голиндуха, который приводится в «Истории» Феофилакта Симокатты (кн. V, XII, 1-13).

Эта жительница города Иерополя, неожиданно впад в сон за столом, приняла решение сменить веру и перейти в христианство, отправилась в Нисибис, покинув дома мужа, а затем добралась до Иерусалима. «Она предсказала многое из того, что случится с Хосровом; его бегство и переход к ромеям: она говорила об этом раньше, чем совершились эти события» (кн. V, XII, 13). Феофилакт Симмоката пересказывает этот сюжет в качестве одного из общеизвестных слухов и вводит его в текст оборотом «до нас дошел рассказ...». О славе святой Голиндухи упоминает и Евагрий, ссылающийся на ее житие, написанное Стефаном, епископом Иеропольским¹⁴⁴.

Хосров действительно относился к христианству с почтением. Он принес дары на могилу мученика Сергия, и в частности драгоценный крест, обратившись к христианскому (!) святому¹⁴⁵ с просьбой даровать детей от Шириин¹⁴⁶. Как сообщает Симокатта, Шириин была из ромейского рода и исповедовала христианство. Епископ Себеос также рассказывает о христианском благочестии Шириин, построившей в Персии монастыри и церкви, пригласившей священников и церковнослужителей и назначившей им жалованье. Именно с деятельностью Шириин связан изданный Хосровом указ, заповедовавший перемену веры¹⁴⁷. Кроме того, в сирийских источниках сообщается, что вместе с дочерью Маврикия Марией в Персию прибыли епископы и священники. Для своей новой супруги Хосров повелел заложить две церкви, одну в честь святого Сергия, а другую в честь Богоматери, и эти церкви были освящены Патриархом Анастасием. Судя по всему, в Персии такое внимание шаха к христианству воспринималось неоднозначно, поскольку в литературе зафиксирован спор между Хосро-

¹⁴⁴ Евагрий. «Церковная история». VI, 20.

¹⁴⁵ Видимо, почитание святого мученика Сергия распространялось не только на христианские страны. Так, Григорий Турский рассказывает, что до Муммола и Гундовальда дошло предание о чудодейственной силе мощей этого святого. «Один восточный царь» прикрепил палец святого к своей правой руке, и, когда он поднимал руку, враги тут же обращались в бегство. Именно поэтому Муммол попытался похитить кусочек мощей святого Сергия (другой палец) у сирийского купца Евфрона (Григорий Турский. «История франков». VII, 31). Следовательно, слава о чудодейственном могуществе святого не только распространилась по Востоку (термин «восточный царь» обозначает скорее всего кого-то из персидских шахов), но и проникла в Европу.

¹⁴⁶ Феофилакт Симокатта, кн. V, XIII — XIV; этот рассказ следует сразу после известия о персидской пророчице; Евагрий. «Церковная история». VI, 21.

¹⁴⁷ Себеос. «История императора Иракла». С. 49 — 51.